

Фамилия Ознобишин (по-видимому, образованная от слов “озноб” или “знобить”) нередко рождает печальные ассоциации с холодом, тоской, неуютностью и болезнью. Но именно Ознобишиным назвал писатель Сергеев-Ценский главного героя своей малоизвестной поэмы “Печаль полей”. Так появился литературный герой с “говорящей” фамилией, которому автор не дал ни имени, ни отчества и тем самым ввел в заблуждение многих своих читателей. Ведь всем хорошо известен реально существовавший поэт пушкинской поры – Дмитрий Петрович Ознобишин. Что же это? Совпадение или случайность? Похоже, никто не сможет разгадать эту загадку.

Чудесная элегия

«Барский дом в Сухотинке был большой, старый, каменный, со множеством низких и пустых комнат. Из окон его, теперь кое-где открытых, весело было слушать, как сочно стучали топоры, обтесывая пахучие бревна. Завод строили на выгоне за липовой аллеей, и видны были только верхушки лесов да крест, но представлялось ясно, как подымется там трехэтажное, деловитое с виду здание и будет глядеть на поля, как хозяин. И этому будущему хозяину полей служило теперь все, что было в усадьбе: лошади, люди и сам Ознобишин – высокий, тонкий, лет сорока... сутулый и сухой...»

Читаю первые строки трагической поэмы о несбывшихся надеждах... Да и само название книги Сергеева-Ценского – «Печаль полей» – такое звучное и поэтичное, напрашивается на лирический лад.

Бросается в глаза известная фамилия – Ознобишин. Неужели тот самый? Тот, что жил в Китовке, в двух километрах от Инзы, наш земляк? Но не все оказывается так просто... Вчитываюсь в текст и понимаю, что это – всего лишь мои иллюзии, а книга – не что иное, как художественный вымысел. Но как похоже на правду! Так поразительно сливаются в воображении эти два образа, «два Ознобишина» – известный поэт и некий сухотинский помещик – в чем-то схожие, в чем-то противоречивые, но одинаково колоритные, поэтические фигуры.

Свою поэму Сергей Николаевич Сергеев-Ценский написал в 1909 году, спустя 32 года после смерти Дмитрия Петровича Ознобишина. Читаю описания природы и невольно представляю себе просторы полей Карсунского уезда, словно списанные с натуры художником. Именно к этим местам был привязан Дмитрий Ознобишин сердцем и душой, родной земле посвящал свое творчество. Леса и бескрайние поля, села и позолоченные маковки церквей – все, что окружает героев в поэме, видел и реальный Д.П. Ознобишин в своем селе Китовка в окрестностях Инзы. Поэт не только горячо любил свою родину и восхищался ее природой, но и немало запоминающихся описаний оставил в своих стихах:

...Невольно скорбь в мою теснится грудь!
И вновь скользит на памяти безумной,
И дальний край, и одинокий путь,
И родина, и берег Волги шумной.
О, дайте ж зреть мне блеск родных небес!
Увижу ль вновь мое уединенье,
Плеск светлых волн, живую сень деревьев,
И свежее, как утро, вдохновенье.

Словно вторя своему однофамильцу, с тем же душевным порывом, как к живым, обращается литературный Ознобишин к полям:

“Поля мои! Вот я стою среди вас один, обнажив перед вами темя. Кричу вам, вы слышите? Треплет волосы ветер, – это вы дышите, что ли? Серые, ровные, все видные насквозь и вдаль, все – грусть безвременья, все – тайна, – стою среди вас потерянный и один... Я вас чую, как рану, сердцем во всю ширину вашу. Только слово, только одно внятное слово, – ведь вы живые. Ведь ваши тоску-глаза я уже вижу где-то, – там, на краю света. Только слово одно, – я слушаю... Нет! Передо мною пусто, и вы молчите, и печаль ваша – моя печаль. Поля-страдальцы, мои поля, родина моя, – я припал к сырой и теплой груди твоей и поребачески крепко, забыв обо всем, целую”.

Но мало ли такой красоты на российской земле?... Кто знает, какой забытый Богом уголок имел ввиду Ценский? А само село? Разве не точная копия с Китовка Карсунского уезда, где, по историческим данным, находилась каменная родовая церковь Ознобишиных – Христорождественская.

«Село Сухотинка тянулось вдоль дороги двумя порядками изб. Крыльями от него отмахнули к прудам огороды, к полям – гумна и риги. Село было пушисто-зеленое весной, тощее, пыльное летом, ослепительно желтое от новой соломы осенью и нахлобученное, сизое зимой. Слишком просторно было в полях, – оттого так тесно жались друг к другу избы. Небольшую деревянную церковку построил для них столетний прадед Ознобишина, и степенный священник, о. Леонид. Двое сборщиков на построение нового храма отправились в разные концы с кружками и листками. По дорогам, изморицившим лицо полей, они разносили миллионы раз повторенные слова: “Милостивые радетели, православные христиане! Не оскорбите нашей просьбы! Храм строим в селе Сухотинке... Есть храм деревянный, но очень ветхий, так что не только зимою служению невозможность, по причине морозов, но и летом от дождей промокает. Православные христиане, радетели, не оскорбите! Строим храм каменный, во имя рождества пресвятыя богородицы. Дайте, что милость ваша, от щедрот ваших, и царь небесный не оставит подающих без награждения».

Недавно мне удалось прочитать документальное описание усадьбы Д.П. Ознобишина, записанное со слов старейших жителей села. Оказалось, что в имени поэта был красивый белый каменный двухэтажный дом: с открытой террасой, с площадкой у дома, выложенной цветной плиткой, с широкой лестницей. В прекрасно ухоженном саду были скульптуры и фонтаны. Имелась оранжерея, пруды

с господской купальней, а в них, вероятно, разводили рыбу. Все это словно повторяет строки поэмы: «*Два сада было - верхний и нижний, а между ними кругом дома цветник. С закрученных клумб сползали на усыпанные песком дорожки густые ковры из портулаков, и над ними сочными, хоть выжми, грудами теснились левкой, ирисы, маки, ночная красавица, девица в зелени, резеда - и все это было вверх пестрым фонтаном роз...*».

С каждой строкой все больше убеждаюсь, что многое роднит Дмитрия Ознобишина и литературного героя поэмы: жизнь в селе, барская усадьба, охота, бескрайняя ширь полей, но главное — это трагическая любовь, постигшая их на закате жизни. Герою Ценского — 40 с небольшим, а Дмитрий Ознобишин свою последнюю любовь обрел в 50 лет. Вторую жену его, в отличие от героини поэмы, звали не Анной, а Таисией (Терезой, так с любовью называл ее муж). Таисия Константиновна Кадонцева была внучкой известного адмирала Д.Н. Сенявина. Она получила прекрасное образование в училище святой Екатерины, где учились племянницы Д.П. Ознобишина. Ознобишин познакомился с Таисией через 12 лет после смерти первой жены. Он долго колебался, прежде чем сделать предложение: смущала разница в возрасте (он был старше ее на 30 лет). Однако брак оказался счастливым. Жизнь поэта вновь обрела смысл: в голове зрели новые планы, думал он и о нововведениях по хозяйству — за околицей Китовки на горе решил строить школу для своих крестьян (и Ознобишин в «Печали полей» кажется активным и жизнедеятельным, полностью поглощен строительством винокуренного завода). Таисия, юная муза Д.П. Ознобишина, обладала живым, веселым характером. Казалось, идиллия будет длиться вечно, но судьба готовила Дмитрию новое испытание. Таисия была слаба здоровьем и вскоре умерла при родах, как и героиня Ценского, но подарила жизнь дочери Елизавете.

Личная жизнь Д.П. Ознобишина была загадкой, и до сих пор о ней мало что известно. Фактом остается только безумная страсть пятидесятилетнего поэта к черноволосой красавице. Горячей любовью, возвышенным, поэтическим чувством, возникшем на закате жизни, пронизаны строки поэмы Ценского. Кажется, что все это было прочувствовано и пережито самим автором, сумевшим передать боль, печаль, радость, муки, ожидание и трагедию несбывшихся надежд.

«*Было утро, хорошее строгое утро, какое бывает только в середине мая, и от деревьев у крыльца на песчаные дорожки как упали, так и не сходили тени. Твердое было все и на земле и в небе, готовилось жить долго - тысячу лет. - А ты знаешь... - сказала вдруг Анна и замолчала. - Что знаю? - повернул к ней лицо Ознобишин. - Нет... Потом. - Скажи, что? - Нет... После скажу. Ознобишин пригляделся к ней - к этому пробору в темных волосах, к лицу прозрачному и чистому, собранному в тонкий овал, и к карим глазам, золотистым от проглоченного ими солнца. Как любил он ее, как молился ей и как боялся! - Важное? - спросил он снова. Анна вспыхнула, ничего не ответила и отвернулась. - Ну скажи же, что? - она улыбнулась тихо и влево и вправо покачала головой. Только вечером, когда ушло солнце и тени разлеглись сплошь, Ознобишин услышал: - Я... у меня... ребенок. - Анна!.. Анна знала, что окрасит лицо мужа: испуг и радость, не знала только, что радости будет больше, поэтому и выбрала*

вечер, когда неясно видно. Гудели майские жуки, от них домовитой и хлопотливой была земля. О, она не засыпала - она только копила силы. Дышала кистями вязов, сережками лещины, яблонями и грушами в цвету... Ознобишин притянулся к Анне близко, насколько мог. Бережно оцупал ее тонкие руки, милые ямочки в сгибе локтей, девически нежную шею. Все, что знал о ней, - вспомнил, все, что знал о ней, - было страдание: красивое, глубокое, радостное, болезненное, тихое, оплаканное бессонными ночами».

Литературный Ознобишин предстает перед нами глубоко несчастным человеком. Бесплодный брак стал трагедией всей его жизни, ведь он так мечтал о наследнике, о сыне, которому мог бы оставить село, усадьбу, завод... Но седьмой ребенок Анны родился мертвым, разрушив последние надежды на счастье; а сама Анна умерла через месяц, так и не придя в себя. Именно в этом главное противоречие между художественным вымыслом и реальностью. У Дмитрия Петровича был сын от первого брака и дочь Елизавета.

С потерей жены Д.П. Ознобишин так и не смог смириться. Когда Лизу увезли в Петербург, он часто навещал ее в столице и был сильно привязан к этому ребенку. Но тень жены, память о ней не покидала поэта до конца жизни. В ответ на письмо тещи Кадонцевой, в котором она сообщает, что «*Лиза похожа на Вас*», Ознобишин пишет: «*Я хочу, чтобы она сохранила облик, который был так привлекателен в моей милой Терезе*». Почти те же строки читаю в книге Ценского и поражаюсь точности и правдивости его слов:

«*Умерла Анна утром. Умерла тихо, как уснула. Окаменелый, сквозь стены и окна в поля смотрел Ознобишин и не мог оторваться от лица Анны, странного, перекошенного невиданным страданием и самой страшной ясностью в мире - ясностью кротких. Не было ничего прежнего ни в одной черте, и все-таки это было лицо Анны».*

Вместе с нелепой смертью жены ушло все самое чистое и светлое, что наполняло душу и Дмитрия Ознобишина, и литературного героя Ценского. Чувство, достойное страниц большого произведения, обернулось трагедией. После смерти жены Дмитрий Петрович Ознобишин уехал из своего имения в Китовке и поселился в Симбирске. Герой «Печали полей» словно повторил судьбу своего однофамильца, навсегда покинув имение.

«*Целый день провели за укладкой вещей и собрались только к вечеру, когда стемнело. Тихо было, неснежно, морозно, и Сератион, и лошади, и сам Ознобишин хорошо знали дорогу. Поля под ними укрывались холодным, синим, потом серели, тухли, и только к наезженным дорогам то с той, то с другой стороны вытягивали любопытные сугробы с завороченными, как уши, карнизам. А колокольчик и бубенцы на лошадях, и скрип и раскаты полозьев, - как-то ощутимо понятно было, что все оставалось здесь же вблизи и никуда не уходило: ни в поля, ни в небо» - этими строками завершается «чудесная элегия» о последней любви помещика Ознобишина. О дальнейшей его судьбе можно лишь догадываться.*

Жизнь же поэта Ознобишина, благодаря его литературному творчеству и активной общественной деятельности, не потеряла смысл и стала достоянием исторических и краеведческих исследований.

Олеся Иваненкова
фото Д. Кошечкина